

Научная статья
УДК 343.212
ORCID [HTTPS://ORCID.ORG/0000-0003-1961-8583](https://orcid.org/0000-0003-1961-8583)

КЛАССИФИКАЦИЯ СУБИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Сергей Павлович Усенко

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Краснодар, Россия, 2682135@mail.ru

Аннотация. В работе представлены итоги множественной классификации субинститутов уголовного права, построенной на основе таких критериев, как местоположение в системе уголовного права; функциональное назначение в системе уголовно-правового регулирования; социальное назначение; время действия; преимущественный метод регулирования. Проведенная классификация способствует познанию общей закономерности формирования и функционирования субинститутов уголовного права.

Ключевые слова: методы уголовного права, классификация, институты уголовного права, субинституты уголовного права.

Для цитирования: Усенко С. П. Классификация субинститутов уголовного права // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 118–124.

Original article

CLASSIFICATION OF CRIMINAL LAW SUB-INSTITUTIONS

Sergey P. Usenko

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin,
Krasnodar, Russia, 2682135@mail.ru

Abstract. The paper presents the results of a multiple classification of Criminal Law sub-institutions based on such criteria as location in the Criminal Law system; functional purpose in the system of criminal law regulation; social purpose; duration; preferential method of regulation. The conducted classification contributes to the knowledge of the general regularity of the formation and functioning of sub-institutions of Criminal Law.

Keywords: methods of Criminal Law, classification, institutions of Criminal Law, sub-institutions of Criminal Law.

For citation: Usenko S. P. Classification of Criminal Law sub-institutions // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 118–124.

В соответствии с общепринятым пониманием классификация представляет собой распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов. Традиционно классификация признается одним из значимых методов проведения уголовно-правовых исследований, который используется для познания различных аспектов бытия уголовно-правовой материи. В нашем исследовании речь пойдет о классификации

такого недостаточно изученного наукой феномена, как субинституты уголовного права.

Самым первым и простым делением субинститутов уголовного права можно признать их градацию в зависимости от местоположения в структуре уголовного закона: субинституты Общей части и субинституты Особенной части уголовного права.

Такая классификация теоретически мыслима, разумеется, при условии, что на соответствующие группы могут быть разделены институты уголовного права. В науке, как из-

вестно, этот вопрос предполагает различные решения. Некоторые исследователи утверждают, что «единственно возможная система институтов уголовного права, если понимать под институтом системную совокупность норм, а под нормой – полноценное правило поведения, санкционированное или установленное государством, представляет собой систему предметных охранительных институтов, выделяемых на основании объекта уголовно-правовой охраны» [1, с. 85]. Иными словами, институты уголовного права мыслятся при таком подходе исключительно как институты его Особенной части. Однако подобный подход при своем последовательном развитии может привести к выводу о том, что уголовное право как исключительно охранительная отрасль не имеет собственного предмета правового регулирования, о чем говорил Б. Т. Разгильдиев [2, с. 4–5]. Отрицание же предмета регулирования, по сути, означает и отсутствие основания для выделения уголовного права в качестве самостоятельной правовой отрасли. В данном случае более убедительным и последовательным будет взгляд на «охранительный уголовно-правовой институт» не как на институт отрасли уголовного права, а как на охранительный субинститут той отрасли права, предмет которой охраняется соответствующими уголовно-правовыми нормами. К примеру, институт преступлений против собственности при таком подходе в большей степени может претендовать на статус субинститута права собственности, а институт преступлений против государственной службы – на статус субинститута служебного права.

Если же логику указанных авторов относительно охранительного характера институтов уголовного права совместить с представлениями о самостоятельности отрасли, то необходимо признать, что все положения, отраженные в Общей части уголовного права, входят так или иначе в структуру институтов части Особенной, образуя в них отдельные субинституты. Тогда в каждом институте Особенной части уголовного права можно будет обнаружить субинститут неоконченного преступления, субинститут

множественности, субинститут соучастия и т. д.

Полагаем очевидным, что такое представление об институтах и субинститутах уголовного права не соответствует современному пониманию предмета уголовного права, статуса отрасли в системе отечественного права и ее структуры. Исходная и столь же очевидная посылка к таким ошибочным рассуждениям кроется в признании именно нормы права в ее полноценной, логической форме начальным звеном структурирования отрасли. Здесь, однако, надо сделать одну оговорку терминологического свойства. Следует провести тонкую грань между субинститутами Общей (Особенной) части и субинститутом института Общей (Особенной) части.

Деление уголовного права на Общую и Особенную часть происходит исходя из роли и предназначения нормативных правовых предписаний, а также сферы их действия. Предписания Общей части выполняют системообразующую функцию по отношению ко всем нормам уголовного права, содержат в себе наиболее общие части их элементного состава и алгоритм для восстановления полного объема уголовно-правовой нормы [3, с. 154]. В то время как предписания Особенной части ориентированы на описание признаков конкретных преступлений и пределов их наказуемости.

Однако не все предписания, входящие в институт Общей части и способные претендовать на статус его субинститута, обладают признаком всеобщности, присущим предписаниям Общей части. Равным образом не все претендующие на статус субинститута Особенной части уголовного права предписания ограничены в сфере своего действия лишь пределами того или иного института. Например, положения закона, определяющие в границах соответствующих институтов Общей части уголовного права особенности назначения наказания мужчинам, совершившим террористические преступления (ч. 2 и ч. 2.1 ст. 58 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), понятие преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (прим. к ст. 73

УК РФ), основания освобождения от ответственности за налоговые преступления (ч. 1 ст. 76.1 УК РФ), едва ли могут претендовать на статус универсальных, всеобщих и в этом отношении по своему содержанию сложно сопрягаются со статусом предписаний Общей части. Соответственно, предписания, оформленные как часть института Особенной части, могут выходить в своем функциональном назначении за границы данного института (например, прим. к ст. 139 УК РФ, определяющее понятие жилища, или прим. к ст. 201 УК РФ, формулирующее понятие лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой организации, распространяют свою силу на весь кодекс).

Такое «проникновение» общих положений в Особенную часть и особенных положений в Общую – естественный процесс, отражающий рост функционального и предметного разнообразия отрасли уголовного права. Однако он позволяет утверждать, что субинститут института Общей части уголовного права далеко не всегда образован предписаниями, по природе своей претендующими на статус общих нормативных положений (то же самое – и в отношении субинститутов Особенной части). Местоположение субинститута в структуре отрасли уголовного права лишь формально указывает на его природу, поэтому всегда более точным и правильным будет говорить о субинституте института Общей или Особенной части, а не о субинституте Общей или Особенной части.

Такое уточнение имеет значение для понимания еще одной возможной классификации субинститутов уголовного права, а именно классификации по функциональному признаку. В данном случае речь идет о градации субинститутов на предметные и функциональные.

Функциональное предназначение уголовно-правового субинститута задано, с одной стороны, содержанием образующих его нормативных предписаний, а с другой – включающего его института. При этом стоит учитывать, что такое деление правовых предписаний и институтов весьма относительно. Большинство исследователей в на-

стоящее время склоняются к позиции, что норма уголовного права всегда адресована двум субъектам: государству и гражданину, действует комплексно, регулятивные и правоохранные аспекты нормы взаимосвязаны. В зависимости от избранной точки зрения одна и та же уголовно-правовая норма (субинститут, институт) может быть и регулятивной, и правоохранительной, и предметной, и функциональной. Классификация по функциональному признаку способствует лишь выявлению степени выраженности той или иной функции.

Субинститут как часть института уголовного права наследует это классифицирующее основание. При этом функциональные субинституты будут регулировать какую-либо специфику отдельной операции института, а предметные – теоретически должны собой представлять группу норм, выделенную в связи с общностью предмета правового регулирования.

Здесь важно понять, всегда ли функциональный субинститут является частью функционального института, а предметный – частью предметного. Представляется, что эта логика не является универсальной и единственно возможной. Так, например, в рамках предметного института хищений оформился самостоятельный субинститут мошенничества, который в основе своей имеет специфическую дифференциацию уголовной ответственности за различные виды мошеннических действий. В данном случае предписания об ответственности за мошенничество выступают функциональным субинститутом предметного института хищения. На наш взгляд, такое «перекрестие» – предметные субинституты в рамках функциональных институтов и функциональные субинституты в рамках предметных институтов – следует рассматривать в качестве общей закономерности.

Когда в рамках предметного института уголовного права возникают дополнительные предписания, расширяющие круг предметов, подлежащих уголовно-правовой охране, или расширяющие спектр запрещенных действий, посягающих на уже вовле-

ченные в сферу уголовно-правовой охраны предметы (например, в рамках института преступлений против общественной безопасности появляются нормы, запрещающие не только организацию банды, но также организацию преступного сообщества или незаконного вооруженного формирования), вряд ли будет верным говорить о формировании предметного субинститута ответственности за создание преступных групп в рамках предметного института преступлений против безопасности. Кроме того, формирование функциональных правил в рамках функционального института (например, предписания, устанавливающие ограничения на назначение несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы в рамках института назначения наказания несовершеннолетним) не приводит к появлению функционального субинститута. В подобного рода ситуациях происходит лишь расширение номенклатуры нормативных предписаний, составляющих тот или иной институт, его нормативный рост.

Такое понимание генезиса и видов уголовно-правовых субинститутов дает основание для уточнения еще одной возможной классификации на основе социального предназначения образующих их нормативных правовых предписаний. Как известно, уголовное право решает две основные задачи: охрана конституционно значимых ценностей и предупреждение преступлений (ст. 2 УК РФ), которые коррелируют с представлениями об охранительной и регулятивной функциях права. Вместе с тем в теории права верно отмечается, что право не только регулятор общественных отношений, но оно одновременно и политический инструмент, идеологическое средство, способ охраны общественных отношений, поэтому в содержание права, бесспорно, входят как собственно юридические (регулятивная и охранительная), так и социальные (экономическая, политическая, воспитательная) функции права [4, с. 116]. Их выполнение не может рассматриваться только как внешний результат выполнения собственно юридических функций. Оно также обеспечено определенными пра-

вовыми средствами, содержанием правовых предписаний. По этой причине вполне логичным будет заключить, что в целом ряде случаев формирование субинститутов уголовного права является следствием объективной потребности в реализации многообразных функций уголовного права. Соответственно, можно выделить субинституты, направленные на обеспечение выполнения экономической, воспитательной, политической и т. д. функций. Например, крайне актуальная в современных условиях экономическая функция права стимулирует появление таких предписаний, как освобождение от ответственности с возмещением вреда за экономические преступления, освобождение от ответственности при соблюдении условий декларирования доходов.

Подобного рода нормативные положения слабо сопрягаются со стандартными представлениями об отрасли уголовного права, а потому инкорпорируются в ее структуру весьма осторожно. Оптимальным юридико-техническим приемом в данном случае как раз и выступает формирование в структуре известного, устоявшегося уголовно-правового института предписаний нестандартного содержания, нацеленных на выполнение нетипичных отраслевых функций. То же самое можно сказать об уголовно-правовых предписаниях, посвященных защите интересов потерпевших от преступлений, ориентирующих лиц, совершивших преступление, на сотрудничество со следствием и т. п. Такой прием – включение нестандартных предписаний в стандартный правовой институт – позволяет обеспечить выполнение многообразных социальных функций отрасли уголовного права без кардинального изменения ее структуры. Субинститут уголовного права выступает здесь способом решения социальных функций в рамках уточнения, корректировки, дифференциации способов выполнения правовых (охранительной и регулятивной) функций отрасли уголовного права.

Предложенное понимание связи субинститутов с социальными функциями уголовного права позволяет не только классифицировать субинституты на основе того,

какую социальную функцию они выполняют в составе отрасли, но также предложить градацию субинститутов на основе их собственного функционального предназначения. Можно утверждать, что функционально субинституты уголовного права создают альтернативу регулирования той или иной группы уголовно-правовых отношений либо позволяют апробировать на определенном участке уголовно-правового регулирования некоторую модель или способ правового регулирования.

В связи с тем, что функции уголовного права при всей их относительной константности являются феноменом динамичным, непосредственно зависящим от социальных потребностей, вполне логично, что некоторые из них актуализируются в тот или иной момент времени, а в другой период могут «сойти на нет». Это обстоятельство дает основание для классификации уголовно-правовых субинститутов на постоянно действующие, временные и чрезвычайные.

Постоянно действующими следует признать субинституты, которые, однажды возникнув, сохраняют свою юридическую силу до момента их исключения из закона и распространяются на все типовые уголовно-правовые ситуации. Временные – те, что активируются в определенный промежуток и действуют в течение установленного законом срока. Чрезвычайными субинститутами следует признать предписания, действие которых активируется в особых условиях, при наличии определенных обстоятельств. В этом отношении интерес представляют положения уголовного закона, устанавливающие правила ответственности за преступления, совершенные в период военного времени.

Связь субинститутов с механизмом социальной регламентации уголовно-правовых отношений закономерным образом приводит к еще одной их градации. В основе ее – метод правового регулирования. В уголовном праве вполне обоснованным будет выделение императивных и диспозитивных субинститутов, а также субинститутов поощрительных и карательных.

В данном случае необходимо заметить, что связь вида субинститута и вида института, выделяемого на основе преимущественного метода правового регулирования, не является жесткой. В рамках императивного карательного института хищений располагается столь же императивный и карательный субинститут мошенничеств. Однако в рамках поощрительного и преимущественно диспозитивного института освобождения от ответственности вполне может расположиться субинститут императивный (например, освобождения по налоговым преступлениям), а в рамках карательного института допустимо помещение субинститута поощрительного (таковы все ситуации конструирования в рамках Особенной части уголовного права специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, которые, к тому же, могут носить как императивный, так и диспозитивный характер). Такое положение вещей нельзя воспринимать как нарушение методической однородности уголовно-правовых норм, а с учетом проникновения в уголовное право диспозитивных методов – как «размывание» публично-правовой природы отрасли уголовного права. Напротив, оно есть свидетельство неразрывных системных связей внутри правовой системы и отражение комплексного, всестороннего подхода государства к регулированию уголовно-правовых отношений.

Взаимопроникновение правовых методов и тесная связь предметов отраслевого регулирования ставит на повестку дня еще один вариант классификации субинститутов (пожалуй, один из наиболее сложных и дискуссионных). Речь идет о возможности выделить субинституты отраслевого и субинституты межотраслевого (комплексного) характера. Такая градация представлена в трудах И. В. Орехова, который отмечает, что «появление субинститутов скорее тяготеет к межотраслевой направленности. Возможно, это вызвано современными реалиями общественных отношений. Субинституты отраслевого характера не столь широко представлены в отечественной системе права» [5, с. 43].

С формально-логической точки зрения, поскольку субинститут – часть уголовно-правового института, признание наличия комплексных и межотраслевых субинститутов непосредственно связано с признанием наличия комплексных и межотраслевых институтов уголовного права. Если допустить наличие таких институтов, то логичным должно быть и наличие соответствующих субинститутов.

Между тем вопрос этот с сущностной точки зрения гораздо сложнее. Отметим вслед за С. В. Полениной необходимость различения комплексных внутриотраслевых и собственно межотраслевых институтов права. Если межотраслевой институт всегда является комплексным, поскольку включает в себя нормы различных отраслей права, то комплексный институт может существовать и внутри отдельно взятой отрасли, представляя собой как бы «вторичную перегруппировку» норм данной отрасли права, охватываемых разными отраслевыми институтами [6, с. 74]. При этом обнаруживаемые внутри комплексных институтов уголовно-правовые субинституты, во-первых, не перестают быть собственно уголовно-правовыми, а во-вторых, что особенно важно, сами по себе не становятся комплексными.

Что касается межотраслевых институтов, то они по определению не принадлежат какой-либо единой отрасли права. Определенная часть норм, образующих межотраслевой институт, принадлежит какой-либо одной определенной отрасли права [7, с. 81], а сам такой институт представляет собой, по словам С. С. Алексеева, результат «удвоения правовой материи», вторичное образование в структуре права [8, с. 130–132]. Межотраслевой институт – это институт именно права, а не отрасли права.

В этом отношении межотраслевой институт может быть образован как отдельными предписаниями различной отраслевой принадлежности, так и отдельными отраслевыми институтами и (или) субинститутами. Субинститут уголовного права может выступать элементом межотраслевого института. Например, норму о выдаче лиц,

совершивших преступление (ст. 13 УК РФ), будучи субинститутом уголовно-правового института действия уголовного закона по кругу лиц, вполне можно рассматривать в качестве компонента межотраслевого института экстрадиции. Однако и в данном случае факт включения уголовно-правового субинститута в состав межотраслевого института не меняет юридической природы субинституциональных предписаний: они остаются уголовно-правовыми, отраслевыми.

Таким образом, можно заключить, что наличие комплексных уголовно-правовых институтов и межотраслевых институтов, включающих уголовно-правовые предписания, не приводит к появлению комплексных или межотраслевых субинститутов уголовного права.

Предложенное понимание комплексных и межотраслевых институтов применительно к проблеме классификации субинститутов уголовного права дает тем не менее возможность представить особую градацию субинститутов. В частности, в зависимости от того, способен или не способен уголовно-правовой субинститут стать частью комплексного или межотраслевого института, можно выделить субинститут «двойного подчинения» и субинституты «ординарного подчинения».

Подводя итоги исследования вопросов, связанных с классификацией уголовно-правовых субинститутов, представляется возможным сформулировать некоторые выводы:

– классификация субинститутов уголовного права может строиться на основе использования нескольких критериев и позволяет выделить: 1) в зависимости от местоположения в системе уголовного права: субинституты институтов Общей части уголовного права, субинституты институтов Особенной части уголовного права; 2) по функциональному признаку: предметные, функциональные; 3) по социальному назначению: создающие альтернативу регулирования той или иной группы уголовно-правовых отношений, позволяющие апробировать на определенном участке уголовно-правового регулирования модель или способ правового регулирования;

4) по признаку времени действия: постоянно действующие, временные, чрезвычайные;
5) по преимущественному методу регулирования: императивные / диспозитивные, поощрительные / карательные;

– общая закономерность формирования субинститутов уголовного права отчетливо коррелирует с их классификационными параметрами; в качестве таковой следует признать формирование функциональных субинститутов в структуре предметных институтов (и наоборот), формирование поощрительных субинститутов в структуре

карательных институтов (и наоборот), формирование диспозитивных субинститутов в структуре императивных институтов (и наоборот), формирование субинститутов, содержательно тяготеющих к предписаниям Общей части, в структуре институтов Особенной части уголовного права (и наоборот). Такая закономерность отражает общую динамику развития отрасли уголовного права, системное многообразие его методов, усложнение предмета уголовно-правового воздействия, а также связь уголовного права с социальной и правовой средой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. 237 с.
2. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 232 с.
3. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб: Юридический центр «Пресс», 2002. 348 с.
4. Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград: Изд. НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1974. 151 с.
5. Орехов И. В. Проблемы классификации субинститутов права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 37–47.
6. Поленина С. В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. 1975. № 3. С. 71–79.
7. Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. 123 с.
8. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.

REFERENCES

1. Pudovochkin Yu. E. The doctrine of the fundamentals of criminal law. Lectures. Moscow: Yurlitinform, 2012. 237 p. (In Russ.)
2. Razgildiev B. T. Tasks of the criminal law of the Russian Federation and their implementation. Saratov: Saratov University Publishing House, 1993. 232 p. (In Russ.)
3. Konyakhin V. P. Theoretical foundations of the construction of the General part of the Russian criminal law. St. Petersburg: Law Center Press, 2002. 348 p. (In Russ.)
4. Radko T. N. Methodological issues of cognition of the functions of law. Volgograd: Publishing House of NIiRIO VSS of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1974. 151 p. (In Russ.)
5. Orekhov I. V. Problems of classification of sub-institutions of law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 1. P. 37–47. (In Russ.)
6. Polenina S. V. Complex legal institutions and the formation of new branches of law // News of universities. Jurisprudence. 1975. No. 3. P. 71–79. (In Russ.)
7. Osipov Yu. K. Jurisdiction of legal cases. Sverdlovsk, 1973. 123 p. (In Russ.)
8. Alekseev S. S. The structure of the Soviet law. M.: Legal literature, 1975. 264 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 08.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.